

Ожидаемого глухого звука удара кулака о плоть не последовало – вместо этого раздался вопль. То был крик низкого.

Превозмогая дикую боль, он уже не заботился о том, как выглядит со стороны. Его голос сорвался, превратившись в визг, когда он рухнул с высоты на землю. Кувыркаясь, он взметнул тучу бамбуковых листьев, а подол его одежды покрылся грязью.

Вся эта сцена разыгралась в мгновение ока. Не успев даже сообразить, что произошло, старшина внешнего круга и зажимавший его высокий так и замерли с открытыми ртами, во все глаза глядя, как еще секунду назад пылавший свирепостью низкий катается по земле, а его вывернутая под неестественным углом рука плетью болтается сбоку, точь-в-точь как у сломанной марионетки.

– Да что ты творишь?!

Широко распахнув глаза и запоздало среагировав, высокий резко отпустил старшину и бросился вперед.

Он явно был сильнее своего подельника: крепкое телосложение, стремительные движения. Когда он в несколько прыжков сократил расстояние, его силуэт смазался от скорости. Взмахнув длинным рукавом, он метнул острие ладони прямо в открытую, уязвимую шею Сюй Чжицю, а в его глазах пылали дикая злоба и гнев от того, что кто-то посягнул на его авторитет.

От такого удара можно было на добрые десять-пятнадцать дней угодить на больничную койку, если не покалечить. Сюй Чжицю лишь лениво поднял веки, предварительно не забыв мимоходом пнуть мешающегося под ногами низкого, и в его светло-серых, почти пепельных зрачках отразилось перекошенное от ярости лицо.

Размашистый удар ладони рассек воздух, белые пряди взметнулись в вихре. Всё произошло в одно мгновение. Сообразив, что его атака ушла в молоко, высокий слегка изменил выражение лица и прямо в воздухе развернулся, наотмашь выбрасывая ногу в ударе.

И снова пустота. Перед ним никого не было, зато кто-то легко хлопнул его по плечу сбоку. Обернувшись на звук под опадающие белые волосы, он встретился взглядом с той самой пепельной парой глаз и взметнувшимся рукавом.

Прямой удар локтем пришелся точно в щеку. Под хруст сместившихся костей мир перед глазами завертелся волчком, в следующее мгновение в живот вонзилась острая боль, и он полетел кубабарем. Прозрачные пятна света, пробивавшиеся сквозь бамбуковую рощу, мгновенно поплыли перед глазами, во рту отчетливо запахло кровью.

Не прошло и минуты, как на ногах остался стоять лишь один человек с распущенными белыми волосами. Опустив взгляд, он бесстрастно взирал на поверженного противника. Осколки солнечного света падали на кончики его волос, ослепительно ярко вспыхивая на солнце.

Вернув на место ногу после удара с разворота, Сюй Чжицю стянул выбившуюся из прически ленту, небрежно засунул ее в рукав, попутно отряхивая помятую одежду, и недовольно поморщился:

– Чего такие нетерпеливые? Даже дослушать человека не могут, сразу кулаками машут.

Да и драться они, по правде говоря, совершенно не умели. Выглядело так, будто их вообще ничему не учили – просто размахивают руками и ногами во все стороны, а сами из себя строят великих мастеров.

У него и так сил кот наплакал, а утренний запас энергии от завтрака был полностью истрачен на подъем в гору. И надо же такому случиться, что драгоценное время, которое планировалось потратить на срочные поиски какой-нибудь беллетристики в павильоне Книг, ушло на всякую хрень.

Вне поля зрения Сюй Чжицю лежавший на земле высокий с трудом приподнялся на локте, опираясь о землю. Медленно выпрямляя тело, он напряг мышцы рук и, воспользовавшись тем, что противник отвлекся на отряхивание одежды, молниеносно рванул вперед.

Не отставал и низкий, до этого неподвижно лежавший в нескольких шагах позади.

Один его глаз заплыл настолько, что почти ничего не видел, но вторым он отчетливо заметил внезапный выпад товарища и всё еще занятого отряхиванием одежды парня. Сидевший неподалеку старшина не выдержал и испуганно выкрикнул:

– Осторожно...

Береги спину!

Не успело слово сорваться с губ, как стоявшая впереди фигура резко качнулась, ловко перенаправив инерцию бросившегося на него высокого. Поймав момент, Сюй Чжицю неуловимым движением развернулся, и попытавшегося напасть со спины низкого тут же швырнули прямо поверх первого. Всё было проделано с поразительной чистотой и элегантностью.

Остолбенел не только старшина внешнего круга – оба незадачливых бойца, которых только что уложили в два счета, тоже застыли в шоке, не понимая, какими глазами этот тип вообще заметил их маневр. Они лишь тупо уставились на него снизу вверх.

Однако вместо новых пинков их ждало другое. Достав из-за пояса свернутую в трубочку книгу, Сюй Чжицю прошелся ею по головам обоих оболтусов с таким звонким стуком, будто колотил по деревянной чурке.

– Совсем совесть потеряли, – отчитывал он их, ни капли не сдерживая руку, – такие сопливые, а туда же – исподтишка нападать.

Свысока с ними еще никто так не обращался. Высокий мгновенно вскинул руки, собираясь что-то сделать, но, столкнувшись с равнодушным взглядом парня, осекся. Боль в голове, казалось, накатила с новой силой, и он послушно опустил руки, хотя уступать словесно не собирался:

– Ну погоди, только попадись мне в следующий раз – из-под земли достану, узнаю, кто ты такой.

Сюй Чжицю охотно поделился бы своим именем, избавив их от лишних хлопот с расследованием, и потому услужливо произнес:

– Сюй Чжицю. Мое имя.

Сюй Чжицю.

Высокий и его подельник этого лица в упор не знали, но само имя было им знакомо. О нем болтали за чашкой чая в свободное время, оно красовалось в записках с выговорами на доске объявлений академии.

Именно так звали помолвленного с господином Даомином – знаменитым на все шесть

провинций личным учеником главы секты. К тому же этот Сюй Чжицю действительно числился во внешнем круге Врат Тысячи Формаций.

Он почти никогда не участвовал в общих сборах, прогуливая девять занятий из десяти, и лишь изредка появлялся в учебных корпусах. Чаще всего его фамилию можно было обнаружить на доске покаяния в зоне дисциплинарных взысканий. Даже среди учеников внешнего круга мало кто знал, как он выглядит, помня лишь слухи о его заурядной внешности, в которой не было и капли благородства господина Даомина.

Ходили также сплетни, что он неизлечимо болен и слаб настолько, что падает от дуновения ветра. Ничем не примечательная внешность действительно сошлась, но вот насчет слабости возникали большие вопросы.

- ...

Переглянувшись, оба парня отчетливо прочитали в глазах друг друга замешательство и страх. Больше они не произнесли ни слова. Преодолевая боль в тишине, они быстро поднялись на ноги и, хромя на обе ноги, бросились наутек из бамбуковой рощи, опасаясь схлопотать по макушке еще раз.

Догнав их взглядом, Сюй Чжицю чуть повысил голос и напоследок бросил вдогонку:

- Смотрите мне, если вздумаете доносить в зал Дисциплины!

Он за эти годы уже достаточно исходил тропинок к тому месту. Тамошний старейшина, должно быть, тоже смертельно устал от его физиономии – они друг от друга уже тошноту испытывали, так что лучше им вообще не пересекаться.

Услышав брошенные им же слова угрозы, две удирающие черные точки припустили еще быстрее.

А здоровье-то у них отменное, вон как резво бегают после такой трепки. Оторвав взгляд от убегающих, Сюй Чжицю вспомнил о цели своего визита и повернулся к поднимавшемуся с земли старшине.

Вид у того был жалкий: лицо и одежда измазаны грязью, а в волосах, наверняка, застряли обломки листьев. Встретившись с ним взглядом, старшина гордо вскинул подбородок и замер, молчаливо сопротивляясь до последнего. Единственной уступкой его гордости было то, что он

не стал отводить глаза, хотя прекрасно понимал: это лишь сделает его положение еще более унижительным.

Попасться в столь непрезентабельном виде на глаза соученику, да еще после того, как этот самый соученик остался чист и невредим, а сам он накануне открыто задирает его – парень прекрасно знал, какие насмешки и язвительные упреки теперь последуют.

Но у Сюй Чжицю не было настроения для подобных глупостей. Сделав пару шагов вперед, он присел на корточки перед старшиной и протянул ему ту самую книгу, которой только что от души охаживал нападавших:

– Похоже, это твое.

Книжный переплет по краям закрутился дугой. Сюй Чжицю с абсолютно невозмутимым видом разгладил его в обратную сторону и протянул пострадавшему так, будто ничего особенного не произошло.

– ...

Движения эти не возымели никакого эффекта: книга из круто изогнутой арки превратилась лишь в слегка изогнутую арку. Помедлив секунду, старшина протянул руку, взял ее и глухо выдавил:

– Спасибо.

И правда его вещь.

Миссия была выполнена, но уходить Сюй Чжицю не спешил. Примостившись рядом на корточках, он непринужденно поинтересовался:

– Слушай, а в этой вашей библиотеке водятся какие-нибудь левые книжонки? Ну, те, что попроще, от учебы далекие?

Этот старшина выглядел донельзя усердным книголюбом, вечно околачивающимся у павильона Книг, а значит, должен был досконально знать его ассортимент.

– ...Должны быть, – ответил тот, слегка дернув веком от столь прямолинейного заявления. Сюй Чжицю даже не пытался скрывать собственное невежество. Бросив еще один взгляд на

зажатую в собственной руке книгу, старшина добавил с заминкой:

– Вот это... кхм, кажется, как раз твоя книга.

На обложке красовалось название: «За что владыка секты Согласия и Радости бросил жену и ребенка». Хотя самому ему читать подобное не доводилось, догадаться о содержимом – и о том, кому она принадлежит, – труда не составляло.

– М?

Недоверчиво моргнув, Сюй Чжицю тоже заглянул через плечо. Прочитав название, он вскинул брови, и только-только зарождавшаяся на губах улыбка мгновенно испарилась.

Твою ж мать, перепутал.

Вспомнив, с какими трудами он сюда поднимался, повторять этот подвиг не хотелось совершенно. К тому же жгучее желание наконец зарыться в павильоне Книг перевешивало всё остальное, поэтому он пододвинулся еще ближе. Совершенно не брезгуя испачканной одеждой старшины, Сюй Чжицю заговорщицки понизил голос:

– Слушай, может, считаешь пока эту на досуге?

Встретив ошарашенный взгляд парня, он попытался логически обосновать свое предложение:

– В конце концов, любая книга есть книга. Что в академии учебники зубрить, что это – один хрен, а эта вещь куда интереснее.

Какая светлая голова, какая железобетонная логика.

– ...Пожалуй, из общего у них только то, что это книги, и на них напечатаны буквы, – подумав, объективно оценил ситуацию старшина.

– Эй, какой же ты хлопотный, ладно уж! Считаю, эта книга твоя, я потом тебе другую принесу, когда снова в академию загляну.

Поняв, что уговоры не работают, Сюй Чжицю вздохнул, а затем ловко перевел стрелки на

прошлые обиды, перейдя в наступление:

- Ты вчера, когда я чужое брал, почему меня не предупредил?

- ...

Старшина бы и рад, но тогда ему зажали рот рукой так, что он и пикнуть не смел, оставалось только смотреть, как его имущество уносят.

Вот так просто его записали в категорию проблемных людей. Вместо ожидаемых издевок он не услышал ни единого упрека в свой адрес, зато сам оказался виноват.

Количество поводов для возмущения зашкаливало. Не зная, с чего и начать, он только беззвучно открывал рот, так и не найдя что возразить. Вся злость на нападавших и тягостное унижение испарились, сменившись глухой усталостью и опустошением – как физическим, так и душевным.

Совершенно не заботясь о состоянии соученика, Сюй Чжицю договорил, оттолкнулся руками от земли и поднялся на ноги. Бросив на ходу легкое «бывай», он заложил руки за спину и неспешно зашагал по направлению к павильону Книг.

От начала и до конца не было сказано ни слова ни о тех двоих головорезах, ни о том, что они только что болтали.

Старшина, придерживая травмированную руку, шатаясь поднялся на ноги. Стерев с лица дорожки пыли, он сжал в пальцах «Историю о владыке секты Согласия и Радости» и проводил взглядом удаляющуюся фигуру.

Белые волосы уходящего человека не были стянуты лентой и свободно рассыпались по плечам. Тишину нарушили два глухих кашля. Медленно шагая, он небрежно поигрывал длинной темно-синей кисточкой на поясе, а его длинные одежды колыхались на ветру на фоне изумрудной зелени бамбука, пока наконец окончательно не скрылись из виду.